

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ
СОВЕСЕДНИКОМ

НАДЕЖДА

Советские люди хорошо знают польскую певицу Анну Герман. Познакомилась она с нашей страной и нашим народом еще задолго до того, как стала профессиональной певицей. Она была тогда совсем маленькой девочкой, занималась в начальной школе...

— Детство мое прошло в Советском Союзе, — рассказывает Анна Герман. — Мы жили в Средней Азии, в Ургенче, Джамбуле. По-русски я говорила со своими сверстниками, училась в советской школе, и первые песни, которые запела в ту пору, тоже были русские. Песни я пела, как и все дети, в зависимости от праздника — о елке, о маме, о Родине. Но только потом я пойму, как хороши, красивы русские песни.

— А чем именно они привлекают вас?

— Русские песни мелодичны и открывают для голоса большой простор. Считаю, что петь их на другом языке — значит просто портить. Поскольку я знаю русский язык, не приходится делать никакого усилия.

— Как складывалась ваша жизнь после возвращения в Польшу?

— Окончила школу, а затем поступила на геологический факультет Вроцлавского университета. В университете в ту пору пользовался большой популярностью самодеятельный театр «Каламбур». Кстати, он существует и сегодня. Меня пригласили в него, обратив внимание на... высокий рост. Здесь приходилось играть самые неожиданные, сатирические, гротесковые роли. Дебют мой не был удачным. На студенческом празднике в Кракове я от волнения забыла текст песни и так расстроилась, что дала себе зарок к этому больше не возвращаться. Но, видимо, можно убежать со сцены, но не от себя.

— Песня «Танцующие Эвридики», исполненная студенткой Вроцлавского университета, покорила взыскательных слушателей и жюри фестиваля в Сопоте, и вы получили золотую медаль... С тех пор вас стали называть «блистательной Эвридикой». Манера держаться на сцене: строгая, лишенная броскости, скупая мимика, сдержанность жестов — все это выгодно выделялось на фоне неистовых ритмов биг-бита и раскованных телодвижений. Иными словами, вы принесли на эстраду высокую вокальную культуру, превосходную дикцию.

— Да, «Эвридика» принесла мне славу, — говорит Анна и добавляет. — Она была последней песней, которую я исполнила на одном из концертов в Италии накануне автомобильной катастрофы. Заключение врачей было суровым и непреклонным: жить будете, но о возвращении на сцену не может идти речи. Три года пришлось провести в больнице. Уже стало казаться, что музыка утрачена для меня навсегда, но она все-таки вернулась. Силы придавали сердечные слова участия многих людей, которых я даже не знала. Их письма вселяли надежду на благополучный исход. Одно письмо из далекой Африки меня особенно тронуло: «Когда я включаю магнитофон с записями ваших песен, отступает страх, исчезает одиночество. Ваш голос — это целый мир, удивительный и прекрасный...».

...Потом А. Пахмутова и Н. Добронравов напишут специально для Анны Герман песню «Надежда», простую и мудрую. И она исполнит ее с убеждающим оптимизмом и очень проникновенно, потому что с ней у

нее будет связано много личного...

— «Надежда» стала для меня самой дорогой и желанной песней. Она необычайно человечна и правдива, очень точно передает чувства, вызываемые разлукой. Исполняя ее, я опять ощущаю себя геологом. Неудивительно, что эту песню поют и космонавты перед полетом. И потом... Это ведь вообще присуще человеку: надеяться на что-то лучшее.

— Ваше возвращение на сцену после долгого перерыва было сопряжено с какими-либо трудностями?

— Для меня это было двойное испытание — физическое и нравственное. После всего пережитого, когда малейшее движение вызывало боль, нужно было выглядеть абсолютно здоровой, чтобы публика не думала, что я делаю ставку на ее снисхождение. За три года, что я отсутствовала на эстраде, песня ушла далеко вперед. Появились новые ритмы, стал моден форсированный звук. Я обратилась к телезрителям за советом: приспособиться ли мне к новым веяниям и попытаться наверстать упущенное или остаться такой, какой была? И, представьте, большинство ответило: не поддавайся искушению и оставайся самой собой; мы любим тебя, как Эвридику.

— В чем вы видите особенность вашего репертуара?

— Я певица одной темы. Все мы или уже любим, или ожидаем любви. Любовь — понятие поистине необъятное. Любят друг друга мужчины и женщины, взрослые любят детей. Человек любит свой труд, свою землю, на которой родился и вырос. Все песни в моем репертуаре, сравнительно небольшом, именно об этом. Они из разных стран и разных эпох. Свою лирическую героиню я стремлюсь наделять душевной интеллигентностью, чувством собственного достоинства, нежностью. На мой взгляд, именно эти качества украшают любую женщину.

— Отразилось ли ваше материнство на творческой работе?

— Роль мамы оказалась труднее, чем я себе представляла. Теперь не хватает времени, но все, как я убедилась, зависит от правильного режима. Постепенно работа на сцене, отошедшая на второй план, снова берет свое. По мере того как Збышек крепче встает на ножки, я все чаще езжу по белому свету и пою.

С рождением ребенка связан огромный переворот в психике женщины. Материнство дает много в духовном отношении, раскрывает новые резервы и глубину внутренних сил. Помогает, лично я стала немножечко мудрее, глубже воспринимаю и текст, и музыку. И вообще мне стало на земле лучше.

— В нашей стране вас считают пропагандистом советских песен, ведь вы везете их по всему миру...

— Но самый чудесный контакт у меня неизменно возникает со зрителями в Советском Союзе, где я бываю часто. Здесь вышла моя первая пластинка. Ваша страна была первой, где состоялись мои зарубежные гастроли из Польши. Мое чувство к вашему доброму и радушному народу, к моей второй родине остается неизменным и верным. Когда я выхожу здесь на сцену, то, еще не сказав ни слова, уже чувствую теплую волну понимания, что люди ждут мои песни. Так же, как я всегда жду встречи с ними.

И. ОКУНЕВ.